

Древо смыслов

Творческое наследие
Н.Я. Данилевского:
история
и современность

Институт философии РАН

Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2024

УДК 001.5
ББК 87.3(2)522-673
Т 28

Серия основана в 2023 г.

Главный редактор и автор проекта «Древо смыслов» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:

Е.Н. Балашова, И.И. Блауберг, В.В. Бычков, Г.В. Вдовина, Б.Л. Губман,
С.А. Гудимова, Г.И. Зверева, В.К. Кантор, А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков,
М.П. Крыжановская, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов

*Утверждено к печати решением Ученого совета
Института философии РАН 19 октября 2023 г.*

Рецензенты:

д. филос. н. А.Ю. Антоновский, д. филос. н. М.А. Маслин

Ответственный редактор и составитель: В.В. Сидорин

Редактор: И.И. Ремезова

Серийное оформление: П.П. Ефремов

Т 28 **Творческое наследие Н.Я. Данилевского: история и современность** / отв. ред.
В.В. Сидорин. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. — 216 с.
(Серия «Древо смыслов»)

ISBN 978-5-98712-408-6

«Россия и Европа» Николая Яковлевича Данилевского — книга с удивительно неоднозначной судьбой: с одной стороны, она широко бытует в российской культуре, постоянно переиздаваясь на протяжении последних десятилетий; с другой стороны, представляет собой одну из самых стереотипно воспринимаемых книг в истории русской мысли. Эти стереотипы не способствуют серьезному разговору о Данилевском, а их распространение в свою очередь во многом стало возможным потому, что мы на самом деле не так уж хорошо знаем тот метатекст, в рамках которого и было создано это знаменитое произведение. А ведь его всестороннее исследование могло бы многое прояснить: в частности, способствовать пониманию того, где в позиции Данилевского исторически случайное, а где речь идет, скорее, о важном сдвиге в истории отечественной культуры послепетровского периода. В предлагаемом издании творчество Н.Я. Данилевского рассматривается в связи с тем интеллектуальным контекстом, с которым оно было связано многочисленными идеями, — идеями и деятельностью В.И. Ламанского, И.С. Аксакова, Ф.М. Достоевского, К.Н. Леонтьева, Вл.С. Соловьева; с точки зрения дальнейшей рецепции теории культурно-исторических типов (Н.И. Кареев, классическое евразийство, П. Сорокин); с позиции созвучия тех или иных идей Данилевского сегодняшнему дню.

*В оформлении обложки использованы фрагменты произведений:
Йохан Кёлер. Имение Данилевских, 1875 г.; Ф.И. Гросс. Фонтан в Миатке, 1846 г.;
фотография дома Данилевских, 1907 г.*

ISBN 978-5-98712-408-6

- © С.Я. Левит, автор проекта «Древо смыслов», составитель серии, 2024
- © В.В. Сидорин, составитель тома, 2024
- © Коллектив авторов, 2024
- © Центр гуманитарных инициатив, 2024

А.В. Смирнов

Мыслитель завтрашнего дня: Н.Я. Данилевский и ключевые идеи учения о всечеловеческом (вместо Введения)

Сегодня, когда наша страна переживает один из переломных моментов в своей истории, мы оглядываемся назад в поисках той точки опоры, которая дала бы возможность основать на ней наше рассуждение, выстроив философское отношение к прошлому, настоящему и будущему, осмыслив суть происходящего. Задача философского осмысления заключается в том, чтобы, отвлекаясь от калейдоскопа сиюминутных событий, заглянуть вглубь — туда, куда, быть может, не все склонны заглядывать, особенно когда захвачены происходящим.

Чтобы сделать это, следует различить четыре уровня событий: силовой, политический, социально-экономический и культурно-цивилизационный. Происходящее достигло уровня силового противостояния; это значит, что политические методы не сработали, это значит, что что-то не так в социально-экономической сфере, и когда конфликт будет проходить стадию урегулирования, мы пойдем, так сказать, сверху вниз: силовое урегулирование, политическое, социально-экономическое.

Но в глубине — культурно-цивилизационное измерение. И я думаю, что то, свидетелями чего мы являемся, служит одним из проявлений — очень ярким, сильным, трагичным — но всё же лишь одним из проявлений того процесса, который идёт давно, по крайней мере полтора века. Суть этого процесса заключается в том, что глобалистский, универсалистский европейский проект, выйдя за рамки Европы, сталкивается со всё нарастающим сопротивлением со стороны неевропейских стран. И это сперва мало осязаемое, но затем всё более дающее о себе знать трение (вроде трения материковых плит) выливается, рано или поздно, в такого рода события.

Почему это происходит? Можем ли мы указать на более глубокое основание, нежели культурно-цивилизационный уровень?

Безусловно. Таким фундаментом является рациональность. Точнее, тот тип рациональности, который лежит в основании разворачивания той или иной цивилизации. Только тогда разговор о цивилизации и культуре встаёт на надёжную почву, когда он заглубляется уровня базовой эпистемологии, задающей типологию разума и смыслополагания.

Основа нынешнего западного глобалистского проекта – это европейский рационализм, органично сплавленный с универсализмом. Коротко говоря, подлинно разумное универсально, а подлинно универсальное разумно. Утверждение об общечеловеческом характере разума и о его инвариантности неразрывно связано с этим. Я не говорю, что европейское понимание разума ущербно – вовсе нет. Наоборот. Скажем, проект Просвещения – замечательный проект, давший великолепные плоды, которыми мы пользуемся до сих пор. Но он предполагает в качестве неотменяемого тезиса свою безальтернативность – вот что существенно. Существенно в данном случае не то, что он приносит; существенно то, что он отнимает.

А что же он отнимает? Этот проект не признает альтернативного разума. Если нет никакой альтернативы европейскому разуму, даже одной, то есть собственно альтернативы, а уж тем более если нельзя вести речь о множественности разумов, тогда невозможны и другие – иные, нежели европейский – проекты социального и политического, культурного и цивилизационного устройства. Если мы внимательно посмотрим на идеологическую борьбу, которая разворачивается перед нашими глазами, то заметим, что суть её именно в этом – в том чтобы привить убежденность, на уровне, я бы сказал, интеллектуального инстинкта, в безальтернативности европейского разума, а следовательно, и европейского цивилизационного проекта. Не буду приводить примеры – любой политолог их приведёт в избытке.

Какое отношение к этому имеет Данилевский? Самое прямое, поскольку он был первым мыслителем в нашей истории (а может быть, и в мире), который всерьёз, теоретически обоснованно, выдвинул тезис о том, что европейскому проекту не просто есть альтернатива, но есть множество других вариантов цивилизационного развития, других цивилизационных проектов, которые осуществлялись и могут в будущем осуществляться в истории человечества. Вот это крайне существенно; именно это – главное в наследии Данилевского. И тогда, чтобы сразу расставить все точки над *i*, мы должны признать и множественность разумов, потому что цивилизационный проект – если это действительно цивилизационный проект – не может не быть основан на полновесной рациональности, на разуме в полном смысле этого слова.

Значит, если продумывать это положение о множественности цивилизационных проектов, мы должны признать логически неизбежным и тезис о множественности разумов. Хотя Данилевский этого не говорит прямо, без этого положения попросту невозможна была бы центральная его категория — категория «всечеловеческое». Без этого невозможен был бы третий закон культурно-исторических типов (КИТ), который звучит так: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает её для себя, при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»¹. Без этого, наконец, невозможно было бы не менее принципиальное положение о том, что КИТ — понятие гораздо более широкое, нежели понятие «цивилизация», и что КИТ может выработать, а может и не выработать свою, характерную именно для него и из его начал вырастающую, цивилизацию. Это — общее положение, но оно относится в числе прочего к славянству как такому КИТ, для которого выработка цивилизационных форм — дело будущего.

Начала цивилизации, которые вырабатываются самостоятельно каждым КИТ и не могут как таковые быть «переданы» другому или заимствованы им, — это именно тип рациональности, определённый тип смыслополагания. Данилевский не употребляет этих терминов («тип рациональности» или «тип смыслополагания»), но это недостающее звено в его рассуждениях легко восстанавливается, поскольку иначе они были бы просто невозможны.

Мы расточительно относимся к собственному наследию. Известно, что Данилевский был у нас, мягко говоря, плохо замечен, и не по заслугам ему воздавали в нашей интеллектуальной истории. Порой создаётся впечатление, что пишущие о Данилевском не читали «Россию и Европу», а составили впечатление о ней по Википедии или дурным пересказам. Мифами о Данилевском полна литература, в том числе, к сожалению, учебная. Вот самые яркие из них: миф о том, что Данилевский — славянофил и почвенник; что он консерватор; что он сторонник изоляционизма и противник культурных заимствований; что он развивал цивилизационную теорию. Все эти мифы легко развеять, обратившись к тексту главного произведения Данилевского и очертив категориальный каркас и логику его теории. Попытаюсь сделать это в основных чертах.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1895. С. 95–96.

Когда говорят о Данилевском, либо стремятся свести всё дело к воспроизведению идей немецких романтиков, Александра фон Гумбольдта или даже Франсуа Гизо; либо ставят Данилевского пусть на почётное первое место, но всё же — в ряду авторов так называемых цивилизационных теорий. В обоих случаях сводят неизвестное к известному, уникальное — к рядовому, устраняя самое главное в учении Данилевского — то, что *не сводимо* ни к каким европейским теориям, поскольку составляет им ясный контраст: положение о всечеловеческом, а не общечеловеческом, характере цивилизационного процесса, а значит, о стоящих на разных началах, на несводимых друг к другу путях развития культурно-исторических типах, вырабатывающих собственные варианты рациональности как начала создаваемых ими цивилизаций. Вот этого нет нигде в европейских теориях — более того, это исключено европейским пониманием общечеловеческого (универсального) характера разума. И именно это мы стыдливо замалчиваем, с подростковой застенчивостью пряча всё то, что не проходит по критериям «взрослого», «настоящего» (читай: европейского) мышления! Повторю: такое отношение к Данилевскому, а значит, и к самим себе, было характерно полтора века назад, когда вышла из печати «Россия и Европа». Но от такого отношения пора избавляться: пора говорить своим голосом, говорить и думать вместе с Данилевским.

Не менее неудачно поступают те, кто записывает Данилевского в славянофилы. Ведь и Страхов, друг Данилевского и издатель его трудов, страстный славянофил, давший начало этому заблуждению, сам понимал его условность; но уж очень хотелось ему заполучить такого автора, как Николай Яковлевич, в свои ряды и приписать ему научно-философское обоснование славянофильства. Конечно, нельзя исключать, что теория Данилевского *может* быть использована для оправдания славянофильства. Но нельзя не видеть, что она ровно с таким же успехом может быть использована для оправдания любого другого «фильства» — и во всех этих случаях будет использована не по праву. Ведь что западничество, что славянофильство — мировоззрения и теории универсалистского типа, утверждающие принципиальную сопоставимость культур и цивилизаций, а значит, и возможность их линейного сравнения, выяснения, «кто лучше». В этом, самом главном пункте, нет различий между славянофилами и западниками; различие между ними лишь в том, кого они ставят на первое место, во главу угла — Запад или славянство. Но ведь именно этого нет у Данилевского, он отрицает всякую возможность линейного сравнения культур по принципу «лучше-хуже»: именно общечеловеческий характер

цивилизации он отрицает в принципе, утверждая вместо этого всечеловеческий её характер. Славянофильство, говорит Данилевский, ↙ напирало на необходимость самобытного национального развития... отчасти потому, что... считало, будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники. Такой задачи, однако же, вовсе не существует — по крайней мере в том смысле, чтобы ей когда-нибудь последовало конкретное решение, чтобы когда-нибудь какое-либо культурно-историческое племя её осуществило для себя и для остального человечества? ↘ >>

Яснее не скажешь: славянофильство и западничество — теории одного порядка, построенные на категории общечеловеческого; разница между ними лишь в том, что первые считали исполнителями общечеловеческой миссии славян, а вторые — романо-германцев. А теория Данилевского построена на категории всечеловеческого. Какой должна быть степень близорукости, степень невнимательности к основополагающим категориальным различиям, чтобы записывать Данилевского в почвенники и славянофилы? А ведь его ещё и называют у нас консерватором — его, создавшего такой проект устройства человечества, который сегодня именуют многополярным или многоцивилизационным и который только предстоит реализовать. Да и главная мечта Данилевского — славянский культурно-исторический тип — помещена в будущем, а вовсе не в прошлом: эти чаяния могут осуществиться, а могут так и остаться мечтой, говорит Данилевский; в истории нет никакой предопределённости, и всё зависит от воли и усилий народов, составляющих тот или иной КИТ, в данном случае — славянский.

Разница между общечеловеческим и всечеловеческим — в том, что во втором случае, по Данилевскому, мы имеем не какой-то один универсальный цивилизационный проект, будь то европейский или славянский, которому должны следовать все и который всем принесёт счастье. Мы имеем множество проектов, каждый из которых хорош, но по-своему — так, как хорош не может быть никакой другой. В этом как их прелесть, так и их неотменяемое значение для человечества: нельзя утратить никакой из таких проектов, никакой из КИТ и их цивилизаций, поскольку каждый из них невозполним, и от утраты любого из них непоправимым образом потеряют и пострадают все. Вот в чём смысл утверждения Данилевского о всечеловеческом характере цивилизационного процесса — в отличие от теорий что

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 5-е изд. СПб., 1895. С. 121.

славянофилов, что западников, утверждающих свою истину *в ущерб* и *за счёт* другого в согласии с логикой общечеловеческого. Всечеловеческое — путь, указанный Данилевским — ищет не истину чего-то одного, обрекающую всё прочее на ложность; он ищет *оправданность* всех и каждого. Иначе говоря, он ищет *всесубъектность*. Такая оправданность и всесубъектность требует не «единства» (единство всегда тоталитарно и всегда репрессивно, подгоняя всех под один образец), а собирания. Логика собирания, логика всечеловеческого — это совершенно иная логика, нежели логика единства и общечеловеческого. Вот о чём говорит Данилевский! Можно ли этого не замечать, допустимо ли это устранять в угоду подгонки под давно известные шаблоны мысли?

Теперь что касается цивилизационных теорий. Какими бы они ни были разнообразными, это — теории универсалистского типа, где цивилизация понимается как некое специфическое оформление чего-то универсально повторяющегося. Вспомним, как Тойнби описывает тот импульс, который подвиг его на его грандиозный проект. Тогда была в разгаре Первая мировая война, и ему пришла в голову вдруг поразившая его мысль (он занимался Античностью, классикой): переживания, которые были характерны для людей тогда, много веков назад — в периоды изломов, в периоды войн и т.д., — характерны и сейчас, для людей его времени. Его поразило как раз повторяющиеся и универсальные, общие законы столь разных цивилизаций.

В общем, в этих теориях цивилизация понимается как некая надстройка над универсальным базисом. И какими бы ни были цивилизационные теории, речь в них не идёт о том, что цивилизации различаются логически, что они основаны на разных типах смыслополагания. А у Данилевского речь именно об этом. Ведь когда он говорит, что движущие силы цивилизаций, создаваемых разными КИТ, не заимствуются, о чём он говорит? Речь же не о чём-то мистическом, не о каких-то «жизненных силах», «флюидах», гумилёвской «пассионарности» и тому подобном — нет, конечно. Речь идёт именно о том, что мы бы назвали сегодня логикой культуры. Вот эта логика культуры — она не передаётся, она не заимствуется, она вырабатывается каждой из тех больших этнических и языковых общностей — КИТ — которые, если они смогут это сделать (вот это «если» принципиально), то есть если они смогут эту логику, так сказать, нащупать своей жизнью, в своих умах, душах, в своем общежитии, то тогда они смогут устроить жизнь, культуру в соответствии с ними. И вот тогда возникнет то, что Данилевский называл «цивилизация». Но обратим внимание: логика устройства на первом плане. Это основное, а вовсе не, скажем, эко-

номический базис, не универсальные структуры и вообще не что-то повторяющееся.

Поэтому я думаю, что правильно было бы говорить, что Данилевский — самородок. Он самородок в прямом смысле: он сам себе род, он не классифицируется, не попадает ни в какой до него или даже после него существовавший род, и было бы большой ошибкой не замечать этого.

Наследие Данилевского многообразно, и естественно, что в небольшой вступительной заметке я могу отметить лишь отдельные яркие, отличительные черты.

Обратим внимание на то, как Данилевский описывает динамику культурно-исторических типов. Это процесс открытый и творческий, это всегда испытание и усилие, и особое значение это имеет, с его точки зрения, для России. Данилевский указывал на тот экзистенциальный вызов, перед которым стояла наша страна. Сможет или не сможет славянство, несомненно имеющееся как КИТ, создать свою цивилизацию? Это значит — выработать особый тип смыслополагания, особое начало, на котором можно строить цивилизационные формы — особые, не повторяющие никакие другие? Центральная роль в этом должна, по мысли Данилевского, принадлежать России. Нам стоит оглядываться назад, нам стоит смотреть вперёд, имея в виду этот вопрос: что мы можем выработать *сами*, потому что только самостоятельными усилиями КИТ может создать начала своей цивилизации, их нельзя ниоткуда взять. Либо успех такого историко-культурного творчества — либо незавидная судьба превратиться в этнический материал для более успешных КИТ.

Невозможно не признать правоты Данилевского: об этой развилке нельзя забывать ни на минуту. Именно она определит судьбу нашей страны: куда мы на ней свернём, туда и направимся. Это и есть самый глубокий, культурно-цивилизационный уровень. Он, а вовсе не социально-экономический, политический или силовой, лежит в самом основании и определяет будущее. Те три уровня — надстроечные, поскольку они складываются и изменяются в процессе цивилизационного строительства, а главное, определяются четвёртым, который задаёт все их принципиальные черты, даже саму их возможность. Иначе говоря, этот четвёртый, культурно-цивилизационный уровень и лежащий в его основании тип рациональности, тип смыслополагания («начала» КИТ, по Данилевскому) запускает цивилизационное строительство и задаёт его логику, его направление и динамику.

Нужен пример? Пожалуйста: из неевропейских стран бывшего социалистического блока только Китай (и в схожей мере Вьетнам)

достиг грандиозных успехов в цивилизационном строительстве последних сорока лет именно потому, что даже в коммунистические времена, а тем более после никогда не утрачивал своей основы — традиционного типа смыслополагания, своего традиционного мышления, мировоззрения, ценностных ориентиров и так далее — в общем, своего типа рациональности. Занятно наблюдать, как досужие «эксперты» всё ищут разгадку успеха Китая, извлекая на свет то одно, то другое и не видя, что ответ давно подсказан теорией Данилевского.

Заметим, что государственность, по Данилевскому, служит необходимым, но далеко не достаточным условием выработки культурно-историческим типом своей цивилизации. Да, без государственности, точнее, без политической независимости КИТ не сможет выработать основания своей цивилизации, но сама по себе государственность вовсе не гарантирует этого и уж тем более не равна понятию «цивилизация». Ведь основания цивилизации, вырабатываемые КИТ, — это определённый тип рациональности, тип смыслополагания (Данилевский называет это «духовное развитие»), — а это вещь совсем другого порядка, нежели государство. Это крайне важно помнить и нам в наших сегодняшних теоретических поисках — я имею в виду коллег, которые много пишут на тему «государство и цивилизация»: мне кажется, что эта подсказка Данилевского имеет большой смысл.

И последнее. Какое значение Данилевский имеет не только для продумывания судьбы России сегодня, для продумывания нашего положения в мире, нашего будущего и нашей стратегии, но какое значение он имеет для собственно философии, философии как таковой? Это, может быть, неожиданный поворот, но я думаю, что при всей своей неожиданности он закономерен и необходим.

В самом деле, если речь идёт о том, универсален ли разум в его европейском варианте или нет, то разве это не самый главный философский вопрос? Конечно. Если Данилевский прав и если правы те, кто придерживается схожей позиции, а таких учёных и философов сегодня немало и за рубежом, и у нас, то речь должна идти о том, что у каждой философской традиции есть собственные основания. Те основания, на которых она выстраивает себя, то есть исходный набор неопределяемых и, более того, *непреодолеваемых* категорий, — таких, за которые она не может выйти, поскольку за ними, как говорил Делёз, «нефилософия»; за ними то, где начинается философия, но где её ещё нет. Или, как говорил Франсуа Жюльен, это те самые основания, которые философская традиция разглядеть не может, поскольку они встроены в сам инструмент разглядывания.

Тогда, если это так и если при этом философия безальтернативна, если философия возможна только в греческом, европейском варианте, то она никогда не сможет разрешить этот парадокс — она не сможет увидеть собственные основания, она не сможет никогда оказаться в том месте, которое Делёз обозначает как «нефилософия». Она навсегда останется не до конца обоснованной, поскольку так и не сможет дать отчёта в собственных основаниях.

А между тем именно это — главная претензия философии: рефлексивность и способность критически разобрать всё до последних оснований. Но если всё, тогда и саму себя. Однако до сих пор саму себя ни европейская, ни какая-либо другая философия не могла разобрать до последних оснований, показать, почему именно таковы основания — то есть те инструменты разума, последние основания рациональности, с помощью которых она и разбирает всё, в том числе сами эти инструменты.

Так вот, если Данилевский прав, если разные КИТ действительно вырабатывают различные начала цивилизации, то есть различные типы разума, типы смыслополагания, то мы сможем сделать самый существенный шаг к решению задачи обоснования философии — шаг к тому, чтобы делёзовскую «нефилософию» превратить в философию. И шаги такие делаются: в активно разрабатываемом сейчас научном проекте, нацеленном на выделение несводимых, автохтонных типов рациональности, лежащих в основании четырёх больших культур, развернувших себя в истории человечества (европейская, арабомусульманская, индийская, китайская) и создавших всесторонние многовековые цивилизации, наследие Данилевского работает и доказывает свой эвристический потенциал. Ещё более увлекательная задача — выполнить эту работу для России: расшифровать «начала КИТ» Данилевского применительно к тысячелетней истории нашей страны, показать тот тип рациональности, который лежит в её основе и задаёт *всечеловеческую* направленность российской культуры, определяя её основные контуры и прочерчивая путь в будущее. Только такой подход может обосновать подлинную, исполненную достоинства самососредоточенную и одновременно открытую всему миру самодостаточность России.

Поэтому Н.Я. Данилевский — это, конечно, история: двести лет. Но это не музей. Его мысли как нельзя более современны, и за ними будущее. Хорошее, творческое отношение к его наследию, именно творческое, откроет перед нами новые перспективы. Хочется пожелать всем нам удачи на этом пути.

В предлагаемом издании творчество Н. Я. Данилевского рассматривается в связи с тем интеллектуальным контекстом, с которым оно было связано многочисленными нитями, — идеями и деятельностью В. И. Ламанского, И. С. Аксакова, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, Вл. С. Соловьева; с точки зрения дальнейшей рецепции теории культурно-исторических типов (Н. И. Кареев, классическое евразийство, П. Сорокин); с позиции созвучия тех или иных идей Данилевского сегодняшнему дню. «Россия и Европа» Николая Яковлевича Данилевского — книга с удивительно неоднозначной судьбой: с одной стороны, она широко бытует в российской культуре, постоянно переиздаваясь на протяжении последних десятилетий; с другой стороны, представляет собой одну из самых стереотипно воспринимаемых книг в истории русской мысли. Эти стереотипы не способствуют серьезному разговору о Данилевском, а их распространение в свою очередь во многом стало возможным потому, что мы на самом деле не так уж хорошо знаем тот метатекст, в рамках которого и было создано это знаменитое произведение.

